

Глава 73. Мама (исправленная версия)

Хэ Ян мгновенно понял, что творилось в душе у Сюаньсюаня. Он опустился на корточки, чтобы оказаться с сыном на одном уровне, и только потом заговорил — мягко, но серьёзно:

— Сюаньсюань, прости меня, папа виноват, что не может дать тебе лучшую жизнь. Но ты должен понять: папа так много работает, чтобы нам жилось лучше, чтобы покупать тебе одежду, игрушки, чтобы ты мог ходить в школу. Ты можешь меня понять?

Сюаньсюань закивал головкой так усердно, словно боялся, что отец не заметит, и тут же бросился ему в объятия, уткнувшись носом в грудь:

— Папа, я знаю, ты устаёшь. Я буду послушным!

Хэ Ян нежно погладил его по голове, чувствуя, как от этого простого прикосновения на душе становится теплее. Этот разговор дался им обоим нелегко, но вышел на удивление тёплым и честным, и на радостях Хэ Ян не удержался — купил сыну маленькую машинку, награду за то, какой он молодец.

Вернувшись домой, Хэ Ян привычно поставил варить рис, достал из холодильника огурец, решив сделать яичницу с огурцом, а к этому добавились два куриных окорочка, прихваченных в столовой, — на двоих вполне хватало, даже с лихвой.

Сюаньсюань, получив машинку, пришёл в полный восторг и до самого ужина самозабвенно гонял её по комнате, выписывая круги и издавая забавные звуки, похожие на рычание мотора.

Когда папа позвал его к столу, он нехотя, но послушно отложил игрушку, побежал в ванную, старательно вымыл руки с мылом и уселся на свой маленький стульчик, с нетерпением заглядывая в тарелки.

— Сегодня у нас куриные ножки и яичница! — бодро объявил Хэ Ян. — У Сюаньсюаня хватит сил съесть целую тарелку?

— Я могу! — звонко, на весь дом, отрапортовал малыш, и в его голосе слышалась такая неподдельная гордость, что Хэ Ян невольно улыбнулся.

Он с аппетитом принялся за еду, но вдруг заметил, что у папы в тарелке нет куриной ножки, хотя у самого их было целых две. Не раздумывая ни секунды, он схватил одну своими пухлыми ручками и переложил в отцовскую миску, глядя на него с такой серьёзностью, на какую только был способен:

— Папа, ты тоже кушай ножку, чтобы вырасти большим-пребольшим!

Хэ Ян замер с палочками в руке. Сын сидел напротив и смотрел на него с такой серьёзностью, будто совершил самый важный поступок в своей маленькой жизни. И ведь правда — совершил.

Хэ Ян никогда не сомневался в том, какой у него замечательный сын, но каждый раз, когда Сюаньсюань проявлял эту свою трогательную заботу, сердце отца сжималось от мысли, как же трудно приходится малышу. Дома они ели то, что есть, — даже если не было мяса, Сюаньсюань уплетал всё с одинаковым аппетитом, ни разу не пожаловавшись, ни разу не попросив чего-то особенного.

Хэ Ян не мечтал, что сын вырастет великим человеком, — единственное, чего он желал, чтобы Сюаньсюань рос здоровым и счастливым. Пусть обычным, но счастливым, пусть небогатым, но любимым.

Он посмотрел в эти чёрные, чистые, бездонные глаза, полные детской веры и безусловной любви, и понял: отказаться нельзя. Он откусил большой кусок, чувствуя, как по щеке скатывается предательская слеза, и только тогда Сюаньсюань, довольно улыбнувшись, уткнулся в свою тарелку, довольно болтая ногами под стулом.

Вечер пролетел незаметно — ужин, купание, немного игр, и вот уже на часах половина одиннадцатого, за окнами давно стемнело, и только в их маленькой квартирке горел тёплый свет.

В мягком свете прикроватной лампы Хэ Ян устроился поудобнее, взял книжку с яркими картинками и начал читать сыну сказку, стараясь, чтобы голос звучал ровно и убаюкивающе:

— «...Подплыли головастики и закричали: «Мама, мама!» Лягушка-мама посмотрела на них и улыбнулась: «Детки мои, вы уже выросли и стали лягушками! Прыгайте ко мне!» Они оттолкнулись задними лапками, прыгнули — и оказались на листе кувшинки. А их хвостики, оказывается, уже давно исчезли. И стали они вместе с мамой каждый день ловить вредных насекомых...»

Сюаньсюань лежал под одеялом, сосредоточенно посасывая молоко из бутылочки, и вдруг, когда Хэ Ян уже думал, что сын засыпает, тихо спросил:

— Папа, а моя мама где?

Хэ Яна будто обухом по голове ударили — голос перехватило, сердце пропустило удар.

Сюаньсюаню только три, раньше он никогда не спрашивал о матери, и Хэ Ян, признаться, надеялся, что этот разговор отодвинется ещё на несколько лет. Видно, сказка подействовала — не удержался, задумался малыш.

Хэ Ян часто думал об этом дне, прокручивал в голове сотни вариантов. Что он скажет сыну,

когда тот вырастет и спросит: «Папа, где моя мама?» Соврать? Придумать красивую историю про далёкую страну или про то, как она улетела на самолёте? Или сказать правду, какой бы горькой она ни была?

И каждый раз ответ был один — правду не скроешь, как ни старайся. Ребёнок вырастет, и рано или поздно узнает всё равно, от чужих людей, от случайно оброненных слов. Лучше честно, как есть, сейчас, пока он ещё маленький и воспринимает мир через отца.

Он глубоко вздохнул, собираясь с духом, и, глядя сыну прямо в глаза — в эти огромные, доверчивые глаза, — сказал очень серьёзно, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Сюаньсюань, у тебя нет мамы. Ты родился у меня в животике.

Малыш захлопал своими длинными ресницами — кажется, он не совсем понял, что это значит, но почувствовал, что папа говорит что-то важное.

— Папа и есть твоя мама.

Сюаньсюань замер на мгновение, обдумывая услышанное, а потом вдруг откинул одеяло, отставил бутылочку в сторону, медленно, по-детски неуклюже, подполз к отцу и прижался к нему всем своим маленьким тельцем, обхватив за шею пухлыми ручками. И выпалил — звонко, чисто, с той непосредственностью, на которую способны только дети:

— Мама!

У Хэ Яна защемило в глазах, слёзы подступили к горлу, готовые пролиться в любую секунду, и он изо всех сил старался сдержать их, чтобы не напугать сына.

Дети, растущие без одного родителя, особенно чутки и ранимы, они острее чувствуют несправедливость и боль. Сюаньсюань, когда ещё был у отца в животе, едва не погиб из-за родного отца, который не хотел его признавать. Потом родился в дешёвой съёмной квартире, и Хэ Ян выкладывался полностью, работал до седьмого пота, но всё равно не мог дать ему достойной жизни, той, что бывает в рекламе по телевизору. А теперь они вернулись в Пекин, и у малыша нет ни друзей для игр, ни бабушек с дедушками — только папа, который вечно устаёт и вечно спешит. Каждый раз, видя на улице, как других детей встречают оба родителя, как их балуют дедушки и бабушки, он, наверное, завидовал и грустил, но никогда не показывал этого, боясь расстроить отца.

Если бы он рос в семье Лу, в том огромном доме с садом и игрушками, ему не пришлось бы так тяжело. Но Хэ Ян тут же отогнал эту мысль — слишком больно.

Сюаньсюаню скоро три года. Может, вместо яслей отдать его в настоящий детский сад, где будут другие дети, воспитатели, праздники?

Хэ Ян прижал сына к себе, чувствуя, как бьётся маленькое сердечко, сглотнул комок в горле, легонько ущипнул за пухлую, румяную щёчку и спросил, стараясь, чтобы голос звучал весело:

— Сюаньсюань, а хочешь после Нового года пойти в детский садик?

— Папа, а что такое детский садик? — в глазах малыша зажглось любопытство.

— Это такое место, где очень весело, много детей и много-много игрушек. Там можно играть, рисовать, петь песенки.

— А там есть Оутянь? — Глаза Сюаньсюаня загорелись ещё ярче.

— Есть, — улыбнулся Хэ Ян, радуясь, что сын отвлекся. — Там много всяких игрушек.

— А мороженое? А конфеты? — Малыш явно решил выяснить все подробности.

— Если будешь хорошо себя вести и слушаться воспитателей — будут! — пообещал Хэ Ян.

— А папа там будет?

Хэ Ян даже растерялся от неожиданности.

— Так, погоди. Я же тебе говорил: папа будет работать, зарабатывать деньги, чтобы у тебя было всё это. В садик ходят дети, а папы и мамы приходят за ними вечером.

Сюаньсюань на мгновение задумался, а потом решительно помотал головой и ткнул пальчиком в отца:

— Нет, ты — мама. А у меня есть ещё один папа? Другой?

Хэ Ян замер. Сердце снова сжалось.

— Нет у тебя никакого другого папы. — Он постарался, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Только я. Зато там будут воспитательницы — добрые, красивые, как феи из сказок.

— А ты, мама, после работы придёшь меня забирать? — в голосе Сюаньсюаня слышалась такая надежда, что у Хэ Яна перехватило дыхание.

— Конечно, приду. Каждый вечер буду приходить и забирать тебя домой. — Он погладил сына

по голове. — А теперь, мой хороший, тебе пора спать. Закрывай глазки.

— Мама, спокойной ночи. — Сюаньсюань чмокнул отца в щёку и послушно закрыл глаза.

— Спокойной ночи, сынок.

Хэ Ян выключил свет, но ещё долго сидел в темноте, глядя на спящего сына и чувствуя, как по щекам текут слёзы. Он не вытирал их. Боялся пошевелиться — вдруг разбудит, вдруг сын откроет глаза и спросит: «Мама, ты чего плачешь?» А что он ответит?

<http://bllate.org/book/16098/1573527>